

Л. С. Клейн

Печальный отклик на Послание от Марка

Уходят корифеи. Уходят, оставляя смену, иногда хорошую смену, но пока адекватной замены погасшим светилам не видно. Горизонт археологии пуст. Может быть, я ошибаюсь. Надеюсь, что ошибаюсь — возрастная абберрация зрения. Но говорю, что вижу.

Марк Борисович Щукин прожил семьдесят лет. Из них почти полвека отдано археологии. За это время он перевернул построения официальной советской исторической науки о первых веках нашей эры, вернув ее от конъюнктурной националистической истории к поискам исторической истины. Его тома истории готов и черняховской культуры, в которых обширные и дотошные знания оживлены ярким, искрометным талантом, останутся надолго фундаментом изучения этой эпохи. Его лапидарная статья об узких и широких датах является образцом решения вопросов методики и постоянно цитируется. Наконец, его постоянный семинар был отличной школой археологов-профессионалов высшей пробы.

Невысокий, сухонький, с небольшой бородкой и вечной трубкой, окутанный ароматным дымком, он казался, да физически и был тщедушным, но обладал магической властью над людьми. Эту власть создавала сила ума, широта познаний, высочайшее профессиональное мастерство и благородство характера. Он всегда хорошо получался на фотоснимках, потому что был очень скромным и естественным. Его высокий негромкий голос был пластичным и выразительным, но выразительным бывало и его молчание. И эти щукинские искорки в глазах.

Щукин был прирожденным историком древности. Он и читать-то учился не по букварю, а по учебнику древней истории для 5-го класса. В университете избрал археологию. На втором курсе в 1962 г. поехал со мною в экспедицию на Дон — и наткнулись мы на Новочеркасское восстание и на полу-

ограбленный царский курган I века н.э. — Садовый, дубликат Новочеркасскогоклада, с римским серебром, сарматским золотом и германским умбоном от щита. История обдавала нас своими грозowymi разрядами из археологического прошлого и из окружающей жизни. Она нашла в Марке проникновенного исследователя — первые века и древние германцы стали его коньком. Он деловито и спокойно собирал и предъявлял аналогии из Центральной Европы черняховским материалам, которые официальная наука во главе с академиком Рыбаковым объявляла славянскими. Это сейчас звучит чисто научным спором, а тогда для выдвижения этих аргументов нужны были не только трудолюбие и честность, не только талант, но и мужество.

Поэтому каждое его достижение в науке было не только научным открытием, но общественным событием. Это был постоянный, многолетний подвиг. Его ученики знали, что их мэтр Марк Борисович — человек добрый, но никогда не поступится принципами и не простит этого никому.

Звание профессора он получил поздно. Но его ученики воспринимали его как профессора всегда. И спроси любого из них, как должен выглядеть университетский профессор, каждый ответит: именно так.

У каждого из нас есть своя референтная группа — виртуальное собрание людей, на которых мы ориентируемся в своих поступках, в своей жизненной стратегии. Это те люди, оценки которых мы ждем, одобрения которых жаждем, осуждения которых опасаемся. Со смертью Марка Борисовича Щукина референтная группа каждого из нас стала намного уже.

Мне выпала на долю печальная участь хоронить своих учеников. Полвека дружбы связывает меня с Марком. В 1962 году, когда студентом второго курса он был моим помощником на Дону, мы шутили, что наша связь

была предreshена в начале нашей эры: евангелист Марк обычно изображается со Львом. В его будущее я поверил сразу. Вскоре в университетской газете в статье «Охота на львов» я написал: если через двадцать лет мои студенты Шукин и Лебедев не станут выдающимися учеными, прошу их родителей предъявить мне этот номер газеты как неоплаченный вексель. Вексель не был предъявлен. Оба стали выдающимися учеными. Обоих уже нет с нами. Кстати, оба стали докторами наук раньше меня, и на моей докторской защите Марк был моим официальным оппонентом. Меня радовало, что, когда мой проблемный семинар был пресечен, семинары Шукина и Лебедева, которые я рассматривал как дочерние, продолжали еще много лет работать и формировать ученых. Дольше всего — семинар Шукина. Но семинар Лебедева работал годами и без Лебедева. Будет ли семинар Шукина работать без него?

Другим его учителем была Мария Александровна Тиханова, и Марк вместе с Дмитрием Алексеевичем Мачинским был прямым продолжателем ее эрудиции, честности и преданности науке в изучении черняховской культуры и эпохи переселения народов.

А сам Марк был передатчиком лучших традиций отечественной науки. Евангелие — значит «послание». Послание от Марка получено многими молодыми учеными, и я знаю, что они уверовали в его истины.

Каждый из нас жаждет многолетия и нуждается в нем — нам всем не хватает той жизни, которая нам отпущена. Каждый в старости сетует: что ж конец подступает так быстро? Ведь не добился, не выполнил программы, не успел. Польский поэт Юлиан Тувим обращался к богу:

Trudna lekcja. Nie mogłem od razu.
Lecz nauczę się... po pewnym czasie...
Proszę! Zostaw mnie na drugie życie,
Jak na drugi rok w tej samej klasie.

Трудный был урок, я не смог осилить сразу,
Но придет время — научусь.
Прошу, оставь меня на другую жизнь,
Как на второй год в том же классе.

Марк — тот редкий случай, когда человек на склоне лет пришел к выводу, что свою жизненную цель выполнил и жизнь завершил. Он

умер, как библейские патриархи, — пресытившись днями. Последние годы он не жил, а доживал. Действительно, за свою жизнь он сделал очень много и вправе был считать, что выполнил свою жизненную задачу. Но, похоронив себя заживо, он ошибался. Жизненные обстоятельства сложились так, что он чувствовал себя ненужным и не хотел лечиться, слишком много прикладывался к винцу. Мы все виноваты в том, что не сумели переломить его настроение.

Я старше Марка более чем на десять лет. За то десятилетие, которое меня, нынешнего, отделяет от возраста, в котором Марк умер, я запустил в производство более десяти новых книг, надеюсь, интересных. Сколько мог бы сделать Марк, если бы жил хотя бы еще десятилетие, позаботившись о своем здоровье, сколько еще помощи и содействия мог бы оказать своим ученикам! Сколько новых учеников мог бы воодушевить! Неправда, что он сделал всё, что мог. Создав свою концепцию происхождения славян, «лесную», «северную», он только начал ее разработку. В интернете полно недоучек и дилетантов, карабкающихся на здание его гото-гепидской концепции и пытающихся всё перетолковать на ультра-патриотический манер, вычитая в рунических надписях славянские письмена. Нужно показать тщетность их потуг и порочность их методов, не говоря уж о глупости их целей, нужно популяризировать истинное знание. Марк умел это делать умно и изящно, с блеском и юмором. Это предстоит теперь делать его ученикам. Достанет ли у них его юмора, его блеска и его силы?

Им же предстоит зафиксировать свои воспоминания о нем и его семинаре, работавшем последние годы у него на дому. Марк стал при жизни легендой петербургской археологии, и нужно сохранить его образ для будущих поколений, для истории археологии — как один из интереснейших образов нашего периода отечественной истории науки и истории Эрмитажа. Сохранить таким, каким он был, без искажений и приукрашиваний, с его достоинствами и слабостями. Так, как требовал подходить к истории сам Марк.

Человек Марк умер. Ученый М. Б. Шукин продолжает жить в своих книгах и своих учениках. Послание от Марка будут истово читать многие поколения ищущих правды.

Статья поступила в редакцию 16 октября 2008 г.